

Лукомская А.С.,

кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск)

**К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ПОТЕРПЕВШИМ ОТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИЦА,
НА ИНТЕРЕСЫ КОТОРОГО СОВЕРШЕНО ПОКУШЕНИЕ**

Доступные для исследования данные криминальной статистики в России показывают ежегодный рост числа совершаемых противоправных деяний, посягающих на экологический правопорядок и экологическую безопасность. Ученые же и практики обоснованно полагают, что эти деяния высоко латентны, то есть в реальности экологических преступлений совершается значительно больше, чем представляется в официальных статистических источниках. Каждое из совершаемых преступлений неминуемо причиняет прямой экологический и опосредованный экзогенный вред, что с трудом позволяет очертить реальный круг жертв экологических преступлений.

Общественные отношения по охране и обеспечению экологического правопорядка и экологической безопасности, охраняемые нормами главы 26 УК РФ, выступающие видовым объектом экологического преступления, являются наиболее ценными с позиции объекта посягательства и потому целесообразно и обоснованно предложение о том, что законодатель должен перенести момент окончания экологического преступления на более раннюю стадию.

Уголовное законодательство различает три стадии совершения преступления: 1) приготовление к совершению преступления; 2) покушение на преступление; 3) оконченное преступление.

Дискуссии относительно признания лица потерпевшим по делу при покушении ведутся уже давно. Еще в дореволюционный период И.Я. Фойницкий утверждал, что «потерпевшими признаются все лица, которые понесли от преступления какой-либо вред, материальный или нематериальный, наличный или только юридически возможный, выражающийся в нарушении по отношению к ним самим или близким им по родству и опеке»¹. А.А. Леви указывал, что при-

знание потерпевшим согласно уголовно-процессуальному закону не может быть связано лишь с причинением вреда, ведь в следственной и судебной практике признание потерпевшим осуществляется и по делам о покушениях, когда вред еще не причинен, так как, несомненно, основанием признания потерпевшим является не только непосредственное нарушение прав и законных интересов, а также причинение физического вреда, но и реальная угроза осуществления подобных преступных действий.²

Современное законодательство в ч. 3 ст. 30 УК РФ предусматривает дефиницию «покушение на преступление», согласно которой покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Принято считать, что покушение на преступление, как неоконченное преступление, относится к так называемой предварительной преступной деятельности. Покушение носит самостоятельное уголовно-правовое значение и не зависит от воли виновного.

Покушение на экологическое преступление характеризует начало непосредственного совершения общественно опасного деяния, посягающего на отношения по охране и укреплению экологического правопорядка и обеспечению экологической безопасности. Виновный приступает и частично выполняет объективную сторону конкретного экологического преступления.

Покушение на экологическое преступление может осуществляться как путем действия, так и путем бездействия. Покушение на экологическое преступление формируется и в случае фактической ошибки, совершаемой пре-

ступником. С учетом принципа вины уголовно наказуемое деяние, направленное против охраны и обеспечения экологического правопорядка и экологической безопасности, при наличии фактической ошибки, например относительно предмета, орудия и средства преступления, должно квалифицироваться исходя не из объективной стороны состава деяния, а из направленности умысла. Принимая во внимание, что преступник, посягая на охраняемые отношения, не успевает выполнить объективную сторону экологического преступления, содеянное образует не оконченное преступление, а покушение на него.

Так, по приговору Соликамского городского суда ч. В.Н. и п. Д.С. в утреннее время с целью незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов – рыбы, зная об установленном «Правилами рыболовства Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна», утвержденными приказом Росрыболовства от 13 января 2009 г. № 1, ежегодном запрете на добычу (вылов) водных биоресурсов водохранилище в определенный период, который именуется периодом нереста, вступили в предварительный сговор, направленный на незаконную добычу (вылов) рыбы. Осуществляя свой преступный умысел, имея при себе сеть, применение которой вышеуказанными «Правилами рыболовства...» при любительском и спортивном рыболовстве запрещено и является средством массового истребления водных животных, прибыли в русло, где с целью незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов – рыбы иным способом массового истребления водных биологических ресурсов, ч. В.Н. и п. Д.С. совместными действиями перегородили русло сетью. Однако довести преступный умысел до конца – добыть (выловить) рыбу – не смогли, так как их преступные действия были пресечены сотрудниками милиции. Действия подсудимых – ч. В.Н. и п. Д.С., каждого – суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 256 УК РФ как покушение на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов с применением иных способов массового истребления водных животных в местах

нереста, группой лиц по предварительному сговору, когда преступление не было доведено до конца по независящим от виновных обстоятельствам.³

При многочисленных гранях проблем квалификации покушения на экологическое преступление важным является тот аспект, что они связаны с проблемой признания лица потерпевшим от экологического преступления, на интересы которого было совершено покушение.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что уголовный закон охраняет личность как от оконченных, так и от неоконченных преступлений, составы которых к тому же могут включать дополнительные объекты преступного посягательства. В связи с этим уголовно-процессуальный закон не предполагает безусловный отказ в признании того или иного лица потерпевшим в силу одного лишь факта переквалификации преступного деяния с оконченного на неоконченное, если содеянным причинен физический, имущественный или моральный вред. Иное приводило бы к умалению конституционных прав потерпевших на судебную защиту, на доступ к правосудию, притом что потерпевший, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, имеет в уголовном судопроизводстве собственные интересы, не сводимые исключительно к возмещению причиненного вреда; эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда.⁴

Позиция Пленума Верховного Суда РФ по этому вопросу заключается в том, что если совершенное преступление являлось неоконченным (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на преступление), суду при решении вопроса о признании лица потерпевшим следует установить, в чем выразился причиненный ему вред. При этом не исключается возможность причинения такому лицу морального

вреда в случаях, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица.⁵

В качестве одного из самых вредных последствий экологических правонарушений отмечается экологический вред, то есть результат негативного воздействия на состояние окружающей среды, и экзогенный вред, причиненный негативными изменениями окружающей среды здоровью и имуществу лица: вред, причиненный личности (физический, моральный), вред, причиненный имуществу гражданина (имущественный), вред, причиненный имуществу юридического лица. Наряду с этим ряд авторов⁶ обосновывают необходимость выделения неимущественного вреда юридическому лицу, выраженного в подрыве деловой репутации.⁷

Таким образом, признание лица потерпевшим по делу об экологическом преступлении ставится в зависимость от возможности обоснования пострадавшим причиненного ему экологическим преступлением экзогенного вреда (физического, имущественного), опосредованно наступившего вследствие причинения экологического вреда, вреда окружающей среде и ее компонентам. Указанное положение исключает возможность признания лица потерпевшим по делу о неоконченном экологическом преступлении вследствие причинения ему морального вреда.

Очевидно, что конкурирующей с покушением нормой в доказывании является добровольное прекращение преступных действий, предусмотренное ст. 31 УК РФ.

Таким образом, можно сформулировать ряд выводов.

1. Лицо, на интересы которого совершено покушение – пострадавший. Признания государством лица в качестве пострадавшего не требуется. Скорее, нужно вести речь о волеизъявлении самого лица, на чьи интересы было совершено покушение.

2. Признание лица, пострадавшего от покушения на совершение экологического преступления, в качестве потерпевшего от экологического преступления, то есть субъекта уголовно-

процессуальных отношений, наделенного соответствующим процессуальным статусом, является механизмом реализации конституционного права лица на доступ к правосудию, а также на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением.

3. Покушение на экологическое преступление – это умышленные действия (бездействие) деликтоспособного лица, непосредственно направленные на совершение виновного, противоправного, уголовно наказуемого деяния против охраны и обеспечения экологического правопорядка и экологической безопасности или ведущие к совершению такого преступления.

4. Признание лица потерпевшим по делу об экологическом преступлении ставится в зависимость от возможности обоснования пострадавшим причиненного ему экологическим преступлением экзогенного вреда (физического, имущественного), опосредованно наступившего вследствие причинения экологического вреда, вреда окружающей среде и ее компонентам. Указанное положение исключает возможность признания лица потерпевшим по делу о неоконченном экологическом преступлении вследствие причинения ему морального вреда.

¹ Фойницкий И.Я. Русское уголовное судопроизводство. Предмет и движение уголовного разбирательства. СПб., 1983. С. 20.

² Леви А.А. Потерпевший в уголовном процессе : конспект лекций. М.: РУДН, 2007. С. 10.

³ Приговор Соликамского городского суда Пермского края по уголовному делу № 1-514/11 от 21.11.2011. URL: <https://rospravosudie.com/court-solikamskij-gorodskoj-sud-permskij-kraj-s>.

⁴ Определения Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 № 2164-О, от 05.12.2003 № 446-О, от 24.11.2005 № 431-О, от 11.07.2006 № 300-О, от 17.11.2011 № 1555-О-О, от 21.05.2015 № 1178-О; постановления Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 № 1-П, от 14.02.2000 № 2-П, от 16.10.2012 № 22-П, от 18.03.2014 № 5-П.

⁵ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 09.02.2012).

⁶ Гаврилов Е.В. Неимущественный вред юридических лиц: понятие, история появления, соотношение с моральным и нематериальным вредом // Юрист. 2016. № 3. С. 7-11.